

Б. А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ, Т. В. БЕЛЯЕВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЖУАНТОБЕ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТ 2005 г.

Интереснейший памятник истории – раннесредневековое городище Жуантобе расположено на юго-восточной окраине современного поселка Колтоган (Мамаевка) Ордабасинского района Южно-Казахстанской области, в 1,5 км южнее р. Арысь. Городище включает цитадель – возвышенный холм (тобе) подквадратной в плане формы, с небольшой погрешностью ориентированной по сторонам света, со следами въезда-пандуса в северо-западном углу. Высота тобе – цитадели – около 15–16 м, основание его – 165x130 м, размеры верхней площадки – 80x70 м. Общая площадь городища с рабадом около 11–12 га. Очевидно, что структура городища всегда вызывала интерес у исследователей (рис. 1). Слово «жуантобе» – местное население трактует с казахского языка как толстый, утолщенный. Цитадель городища резко выделяется среди пониженной террасы среднего левобережья р. Арысь, у подножия холмистой гряды, где расположен Борижарский могильник. Ров вокруг цитадели подчеркивает его величественное восприятие. Рабад кольцом огибает его со всех сторон. Памятник постоянно привлекает к себе внимание любителей древности и ученых. В 1893 г. его посещал Н.П. Остроумов, давший его описание. Он исследовался в 50-х годах¹. А. Н. Грищенко закладывал ряд раскопов в 1986 г.² На основании полученного материала памятник датировался VI–XII вв.³ Широкие исследования памятника начались в 1986 г. А. Н. Грищенко. В результате проведения им шурfovок на цитадели и рабаде были выявлены более ранние культурные слои, датируемые III–V вв. н.э.

В 2004 г. на памятнике под руководством К.М. Байпакова археологами Р. Шербаевым, С. Дудаковым по государственной программе «Культурное наследие» проводились раскопки на цитадели. В ходе раскопок 2004 г. были вскрыты

верхние слои в северо-восточном углу цитадели городища с жилой архитектурой позднего периода. Также был заложен стратиграфический шурф в северной части цитадели, выявивший как ранние слои, так и городскую фортификацию.

Раскопки 2005 г. изучали ситуацию на северном участке так называемого кольцевого рабада, опоясывающего центральную часть городища Жуантобе, хорошо заметного в топографии, возвышающееся на 4–5 м над окружающей поверхностью. Раскоп вскрывался поквадратно и поясруно и выявил три строительных горизонта с остатками архитектуры. Четвертый самый верхний сохранил лишь зольные, жилые линзы с массой фрагментарной керамики, которой обкладывались очаги.

Раскоп на рабаде 2005 г. (рис. 2, 3) получил порядковый номер 5. В ходе топосъемок нами было насчитано 4 заплывших раскопа на шахристане, остальные напоминали шурфы и траншеи. Наличие крепостной стены было выявлено нами в результате углубления до 2 м края заплывшего раскопа А. Н. Грищенко на внешнем краю северного рабада. В результате была выявлена верхняя часть внешней стены шириной 2 м, расширяющейся книзу (предположительно до 5 м у основания). Стена сложена из пахсовых блоков высотой 80 см, ряды которой проложены сырцовым кирпичом размерами 42x24x15 см. Внешняя стена рабада в виде возвышения с внешнего края хорошо просматривается и в отснятой в 2005 г. топографии городища.

Раскоп 5 взят размером 18x18 м и к нему добавлено по квадрату размерами бхб м с южной и восточной сторон. Весь раскоп был разбит на девять квадратов с последовательной нумерацией: 1 – юго-запад, 3 – северо-запад, 7 – юго-восток, 9 – северо-восток. В процессе вскрытия

¹ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работе ЮКАЭ 1953 г. // Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т.1. С. 51-57.

² Буряков Ю.Ф., Байпаков К.М. Раскопки на цитадели Жуантобе. Полевой отчет. 2004.

³ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т.1. С. 51-57.

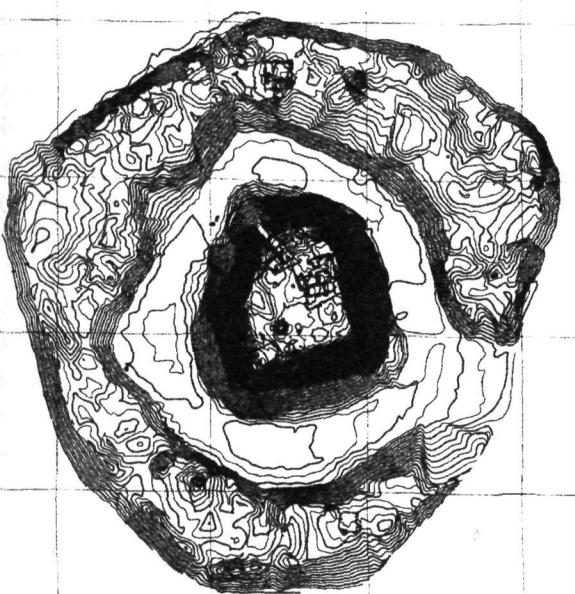

Рис. 1. Топография городища Жуантобе

Городище Жуантобе – 2005

Раскоп – 5

II Строительный горизонт

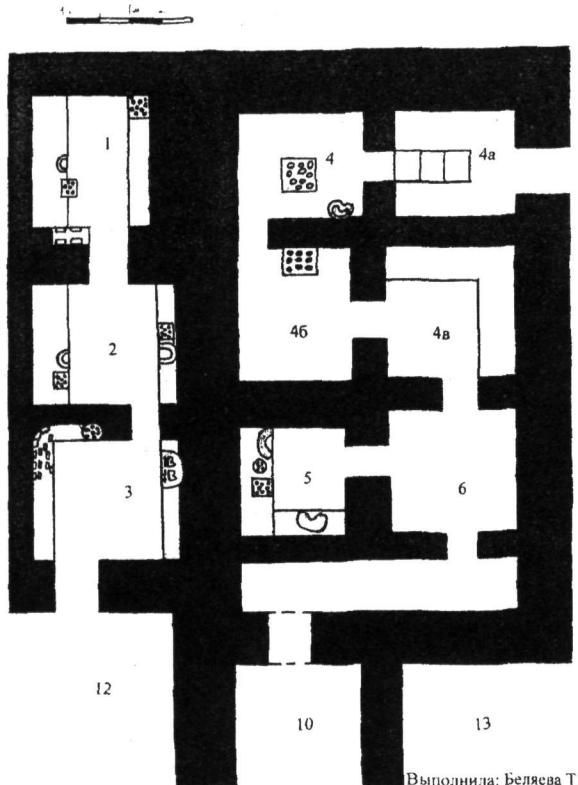

Рис. 2. План раскопа 5 (север вверху)

углубились в кв. 2, 3 и 4 до лёссового геологического слоя, который залегает на отметке - 3,5 м от нашего репера раскопа. Таким образом, толщина культурного слоя на рабаде городища Жу-

Рис. 3. Вид на центральные помещения (ориентация на юг) антобе составляет 3,4–3,2 м. Три шурфа показали 4 горизонта архитектурных строений.

Опишем более подробно верхний горизонт. В квадрате 3 отмечены зольные пятна, фрагменты керамики от хумчей, хумов, которые использовались для обкладки очага. Стенки имеют следы от красных ангобных потоков. Есть фрагменты от лепных горшков с рыхлым черепком. Недалеко от очага находились фрагменты от подставки для верхней части жернова из желтого камня. В нижней части сделаны бороздки для стока жидкости. Этот жилой уровень подстилала площадка из сырцовых кирпичей, выложенных в два ряда. В пределах первого яруса под дерном в кв. 2 отмечено очажное пятно с углем, золой, керамикой, использованная для обкладки очага. В очаге стоял маленький кувшинчик с одной ручкой и с носиком-сливом. Кувшинчик выполнен из серой глины с большим добавлением шамота. В кв. 1 зафиксированы жилые слои с золой, углем, очагом, при устройстве которого была использована нижняя часть хумчи. В очаге стоял небольшой сероглинняный горшок. В кв. 9 под дерном сразу обнаружен слой в виде мусорной ямы с фрагментами стенок от кувшинов, хумов, хумчей. Некоторые имеют по плечику процарапанные узоры, прямые линии, сетки, волнистые линии или овал с перекрестьем знака в виде лука со стрелой. В кв. 8 также зафиксирован культурный слой с золой, углами, фрагментами керамики. Встречен кусок толстостенной крышки с узором в виде двух веточек. Очагложен из двух спаренных кирпичей, а на дне лежало днище от хума. Наблюдения показали, что на этом участке шел процесс обживания территории с использованием кирпичной выкладки, перекрывающей нижние строительные горизон-

ты. Комплекс керамики, собранный из всех зольных линз, представлен гончарными изделиями – хумами, хумчи, крупными кувшинами, горшками, вылепленными из серой илистой глины с большим добавлением шамота. По обработке гончарная посуда кремового покрытия хорошего обжига с красно-коричневыми ангобными пятнами и потеками. По форме, процарапанным узорам, знакам комплекс находит аналогии среди материалов других памятников отраро-каратаяуской культуры и может быть отнесен к VIII в.

Преднамеренная закладка второго строительного горизонта сырцовым кирпичом из желтой лёссовой глины с малыми органическими добавками и дресвой (битой керамикой) создали очень сложную ситуацию по выявлению основной планировки. Сырцовый, желтого цвета кирпич размером 42х26х12 см был ведущим в возведении архитектуры. Только по заполнению помещений можно было уловить направление стен. Проблемой было и сохранение кладок, так как после просушки кирпич распадался, превращаясь в желтую пыль. Общую планировку архитектурного комплекса можно охарактеризовать как центричную с несколькими замкнутыми помещениями, вокруг которых по периметру расположены анфиладой еще помещения. Для удобного описания начнем с анфилады западной группы помещений.

Помещение 1 расположено в северо-западном углу, размером 4,5х4 м. Вдоль восточной стены проходила суфа. В углу восточной суфы сделана яма 80х80 см, которая внутри заполнена битой керамикой, а сверху – мелким галечником. Сверху яма была перекрыта при закладке всего помещения. В другой, южной части на суфе был сделан очаг, в котором сохранился мелкий белый пепел. Уровень пола в помещении 1 находился на отметке 1,2 м. Репперная точка была выбрана на бровке, разбитой над восточной стеной помещения 1. На полу было очажное пятно, и около него лежал фрагмент от подставки («шашлычницы»), изготовленный из серой глины и украшенного вдавлением пальца. При углублении зачистили еще уровень пола и суфу вдоль западной стены. Уровень пола проходит на отметке 1,68 м. Суфа высотой 0,2 м, шириной 1,2 м. У края суфы сделана яма, заполненная гравием и битой керамикой, а справа на суфе находился очаг с сохранившимися остатками белого пепла.

Из помещения 1 есть проход в южной стене. Его ширина вначале составляла 1,5 м, но при поднятии пола его уменьшили и оставили ступеньку в помещение 2. В юго-западной части южной стены помещения 1 была отопительная печь. Помещение 24,8х4 м было вскрыто по первому уровню пола. В юго-западном углу обнаружилась галечная насыпь, заполнившая яму в суфе. Рядом с ямой, заполненной галечником, у края суфы находился очаг размером 40х40 см, у которого были сильно прокаленные края и белый пепел в середине. Второй уровень пола находится ниже – на отметке 1,52 м. Вдоль восточной стены проходит невысокое возвышение шириной 0,7 м и в середине устроена яма с галечной засыпкой и керамическими фрагментами. Справа от галечной засыпки находился очаг с сильно прокаленными стенками. В юго-восточном углу располагался проход в помещение 3. Помещение 3 размером 3,9х4,8 м с уровнем пола между отметками 1,52 и 1,72 м. Вдоль западной стены была выстроена суфа шириной 0,7 м. В северо-западном углу на суфе находился очаг до 1 м, который впоследствии был замурован фрагментами керамики. В северной стене помещения 2 находилась ниша, где располагалась яма, заполненная галькой. Вдоль восточной стены тоже была сделана ниша шириной 1,2 м, в ней располагался очаг с большим скоплением пепла и стояли две подставки («шашлычницы»). Одна передавала стилизованные рога коровы, а другая – морду коровы. Они были изготовлены из комковатой серой глины с затиркой снаружи, в нижней части есть сквозное отверстие. В южной стене, ближе к западу, имеется проход в помещение 12, который еще не вскрывали. По южной линии частично открыто помещение 10, справа от помещения 12. В северной стене помещения 10 был проход в центральную группу помещений, но на каком-то этапе перестроек он был заложен. Намечена анфилада помещений и вдоль восточной линии, но они пока только наметились по верхней линии. Вскрыто помещение 11, расположенное справа от помещения 4 в центральной группе. Его размеры 2,7х5,5 м, оно могло быть хранилищем, так как в нем находилось очень много фрагментов от хумов. Помещение 15 северное из восточной анфилады служило двором. Его заполнение состоит из натеков и надувного слоя.

Центральную группу составляют шесть помещений (4, 4а, 4б, 4в, 5, 5а). Для лучшего восприятия описание помещений начнем с помещения 4а. Оно связано с помещением 15 проходом. Его размеры 3,5x4 м. Оно видимо, играло роль входного и тоже имело натечные слои и надувной слой. Уровень пола находится на отметке 1,69 м. В середине выложена галечником дорожка шириной 1 м, которая поднимается к проходу помещения 4, образуя пандус в 0,25 м. Помещение 4 расположено слева от помещения 4а. Оно играло особую роль в этой центральной части. В середине помещения располагалась яма с галечной засыпкой, шириной 1x1 м. Эта засыпка имеет глубину 1 м и служила накопителем какой-то органической жидкости. Вся нижняя часть галечника и битой керамики с налетом желто-зеленого цвета. Около юго-восточного угла располагался очаг размерами 0,8x0,8 м с сильно прокалеными стенками. Помещение 4 имеет размеры 3,5x4 м и было связано с помещением 4б размерами 4x3,7 м и ходом вдоль западной стены. В помещении 4б у северной стены находилась яма 1x1 м глубиной 1 м с галечным заполнением и битой керамикой в нижней части с налетом органики желто-зеленого оттенка. В помещении 4б вдоль западной стены располагалась суфа шириной 1,2 м. Вдоль суфы проходит еще ступенька 0,3 м для спуска по помещению, где уровень пола находился на отметке 1,69 м. Из помещения 4б в восточной стене располагался проход в помещение 4в. В помещении 4в находились две суфы вдоль северной и восточной стен. В южной стене помещения 4в есть проход в помещение 6. Помещение 4в и 6 одинаковые – размером 4,3x4,3 м. В западной стене помещения 6 имеется проход в помещение 5 размером 3,5x3,5 м. Вдоль западной стены проходит суфа шириной 1 м и высотой 0,6 м, в середине суфы, у края расположена яма с галечной засыпкой и битой керамикой на дне. Тумба также играла роль накопителя какой-то органической жидкости. Рядом была сделана еще одна, но она почти не использовалась. Справа от тумбы находился очаг размером 1x0,6 м с белым пеплом. Вдоль южной стены тоже проходила суфа шириной 1 м, высотой 0,6 м, на которой располагался крупный 1x0,6 м очаг с сильно прокаленными стенками. Помещение 5 было изолировано от других с южной стороны коридором 1,7x9 м. В коридор можно было

пройти из помещений 6, 10, 11, но на каком-то этапе проходы из помещений 10, 11 были заложены. Была возведена высокая суфа до 1 м в помещении 6 вдоль восточной стены.

Строительный период охватывает VI – начало VII ярусов. Во всех шурфах ярко представлены пахсовые стены и культурный слой из угольков вперемешку с желтой разрушенной структурой и небольшого количества мелких фрагментов керамики. Керамика по качеству обработки, технологии изготовления, художественному профилю может быть отнесена к IV (III) – V вв.

Керамического материала собрано мало. В основном мелкие фрагменты из разрушенных кирпичей или с нижних слоев многочисленных ям со щебнем, две из которых были лишь защищены в профиле. Однако они показывают высокий технический уровень производства. Черепок тонкий, звонкий, с хорошей затиркой и плотным красным ангобом с лощением. В помещениях собрано не более десятка черепков. Встречена гончарная и лепная керамика. Гончарная преобладает. По формам это кувшины разных размеров, жаровни, несколько чащ-тазиков. Хумчи небольших размеров. Есть характерная особенность: вся гончарная посуда имеет ангобные красно-коричневые пятна на стенах в области венчика и горловины, от которых потом шли потеки. Красно-коричневым ангобом покрывали и посуду ручной лепки. Эта особенность выделяет керамический комплекс V–VI вв., когда на смену античной посуде с разнообразным столовым сервисом приходит сервис хозяйствственно-бытовой. Качество сохраняется, но предназначение изменяется. В сервисе появляются предметы для хранения молока – крынки кувшины, зерна – хумчи и хумы; кружки – цилиндрикруглые в профиле с петлевидной ручкой, овальные с носиком и петлевидной ручкой, кувшины с ручкой, а в верхней части у плечика делается сквозная дырочка, как отдушина. Лепная керамика хозяйственная, в основном кувшины средних размеров и малые. Они хорошего качества, покрыты розовым или светлым ангобом, изготавливались с большим процентом шамота для использования их как огнепорных. Кувшины ставились на огонь, поэтому снаружи сильно закопчены.

I строительный горизонт занимает верхнюю часть в I ярусе. На протяжении длительно-

го периода постепенного запустения оседлой жизни на городище здесь появлялись небольшие жилища, возможно каркасного типа, для которых приготавливалась площадка. Люди занимались хозяйством. На земледелие указывают каменные жернова. Они небольшие по размерам, но их очень много, практически на каждой зафиксированной площадке.

Много остатков хозяйственной посуды от хумов, хумчей до больших кувшинов. Битой керамики на 1 м² встречается до 100 фрагментов. После ее сбора и промывки распределили по способу изготовления – это гончарная и лепная. Гончарная вся с красно-коричневыми пятнами, без каких-либо украшений и обработки. Хумы, хумчи, кувшины иногда украшались защипом по венчику, насечками, легким волнистым орнаментом. Кувшины приобретают часто носик-слив, примятый двумя пальцами, имеют большую ручку от горла на тулове и вытянутую грушевидную форму туловы с маленьkim плоским дном. Лепная посуда становится грубой, рыхлой, без обработки. На кувшинах и хумчах появляются процапанные знаки-тамги. Кухонная посуда изготавливается вся с шамотом и некачественная. Характеристика данного керамического комплекса может быть связана с приходом кочевого населения. В этот период резко изменились все стороны городской жизни. Его связывают с приходом тюрков в VII–VIII вв. Некоторые повторяющиеся структуры привлекают внимание. Большое количество ям со щебнем, дно которых покрыто слоем керамики, толщина слоев с керамикой варьирует от 10–40 см. Ямы обычно соседствуют с очагами, округлой формы.

Вскрытый участок содержит архитектурное строение общественного назначения, связанного с какими-то обрядовыми действиями. При изучении средневекового города Средней Азии многие исследователи отмечают, что накануне арабского завоевания Средняя Азия была страной религиозной терпимости. Среднеазиатские города с их разноплеменным и неоднородным по социальной принадлежности населением являлись, в первую очередь, местами столкновения различ-

ных идеологических верований и культов⁴. В нашем явно неординарном архитектурном строении на первый взгляд бросаются в глаза очажки, где разводился или слегка поддерживался огонь. Почтание огня сразу связывается с зороастризмом. У зороастрийского храма должна быть центральная обособленная часть с алтарем, где жрецы поддерживали священный огонь. Здесь этого нет. Все очаги, кроме двух, в помещении 4 и 5 небольшие, располагаются на супах и при них везде сооружены тумбы-фильтры. Обращает на себя внимание исследовательская работа Терновой Г.А., где она рассматривает алтари огня, алтари-престолы, алтари жертвеники, культовые ниши⁵. В подборке материала о зороастризме она обращается и к современным храмам огня, которые сохраняют традиции. Они состоят из двух или трех помещений, к которым относится темное помещение для хранения священного огня, зал для проведения обрядовых церемоний и специальное помещение, где приготовлялся ритуальный хлеб, священные напитки, хранилось топливо и т.д. В нашей планировке мы можем выделить темное помещение 5, где хранили огонь, так как там находился самый крупный очаг, а также трапезную комнату помещений 4в и 4б, где могли готовить священные напитки и т.д. В храмилище можно определить замкнутый коридор и помещения 6 с высокой супой. Однако в нашей центральной группе есть помещения 4а и 4, которые выполняли функции приема пожертвований и совершения обряда жертвоприношения. Тумбы-фильтры тоже находят аналогии среди храмовых сооружений более раннего времени. Так, в храме Окса Б. А. Литвинский отмечал ямы с галечником и считает их неотъемлемой атрибуткой на священных участках-теменосах. Они присутствуют в храмах как Греции, так и в святилищах Востока⁶. На другом памятнике Сангиртепа был открыт храм, где в центральном зале находился алтарь огня, а на полу было вскрыто 24 ямы с захоронением золы, песка и гравия. Ямы имеют цилиндрическую форму от 0,35–0,5 м и глубиной 0,6–0,9 м⁷. Эти ямы с галечником очень близки к нашим. Отличие состоит в том, что они

⁴Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 124

⁵Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйруктобе (в.п.VII – п.п.IX вв.)// Известия. Сер. общ. наук. 2000. №1. С. 169.

⁶Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. М., 2000. Т.1. С. 58-60.

⁷Хасанов М., Мехендали С. Раскопки на Сангиртепа в Кашикадарье (Самарканд, Беркли) // Археологические исследования в Узбекистане 2003 г. Ташкент, 2004. Вып.4. С. 182.

располагались вокруг центрального алтаря, а в нашем случае вблизи ритуальных очагов. Пролегает естественная ретрансляция обряда во времени. Если исследователи храмов огня считают, что галечные ямы связаны с обожествлением воды, то мы к этому хотим добавить, что отмечалось и освещение священного напитка, который готовился из молочных продуктов. Мы пока не можем определить функции помещений в западной анфиладе. Отметим, что уровень полов в каждом помещении был выше на одну ступень, если идти с юга на север, т.е. из третьего помещения во второе и далее в первое. Во всех трех помещениях находились суфы западной и восточной сторон, на которых размещались очаг и яма с галечником. Только в помещении 3 на восточной суфе был очаг и в стене ниша, а около очага стояли «подставки». Одна объемная шириной 0,17x0,12 м по высоте 0,15 и 0,17 м в виде конского седла (рис. 4) серого тона,

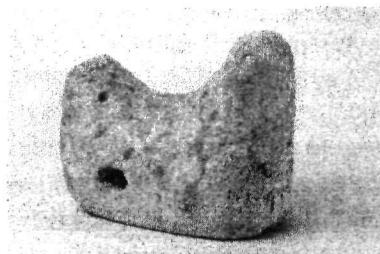

Рис. 4. Очажная деталь (подставка)

гладко заглажена и украшена вдавлением пальца. В нижней части и в середине сделано сквозное отверстие. Другая тоже такой же высоты 0,17 м и ширины 0,12 м, но передающая стилизованную голову коровы. В нижней задней части от морды сделано сквозное отверстие. Можно отметить переходный этап в развитии религиозного воззрения скотоводов. На наш взгляд, к почитанию огня, воды и земли они вводят атрибуты обожествления коровы. Если на раннем этапе по всему среднему течению Сырдарьи предпочтение отдавалась барану (символика каунчинской культуры), то в VI–VII вв. сакральный смысловой образ отводится крупному рогатому скоту. О функциональном назначении подставок в виде наших и других зооморфных голов есть интересные описания Е. А. Смагулова в статье «Шашлычницы» Алтынтобе⁸.

Нам остается определить причину закладки этого общественно-культового комплекса. Хро-

нологически это связывается с действиями арабских войск, подвергавших разрушению языческие храмы, имущество которых рассматривалось как обязательная добыча мусульман⁹. Жуантобе был некрупным городом, и его обитатели смогли вовремя скрыть священные места общей закладкой сырцовым кирпичом.

Для выяснения стратиграфии этого участка заложили два небольших шурфа в помещении 2 в северо-западном углу вдоль стен размером 2x4 м. Шурф показал залегания архитектурного комплекса, выведенного из темной пахсы с добавлением кирпича. Стены сохранились на 1 м, а в некоторых местах поднимаются и использовались во втором культурном горизонте. Третий культурный горизонт располагается в IV–V ярусах. Ниже пошел культурный слой с керамикой, углем, золой и архитектурными остатками, пахса которых ярко желтого цвета, плотная с мелкой керамикой. Четвертый строительный горизонт приходится на VI–VII ярусы. Ниже в начале VIII яруса по всей площади начался лёсс песчаный с прожилками.

Второй шурф заложили в помещении 5 вдоль западной стены размером 1,5x3 м. В IV ярусе имелся культурный слой с золой, костями. Стена западная продолжалась, а северная и южная функционировали только во втором горизонте. Уровень пола находился в конце V яруса. Архитектура III строительного горизонта пахсовая темно-коричневого цвета с добавлением в один кирпич, как прослойка между блоками. Ниже начался культурный горизонт с мелкими угольками желтого цвета, стена из плотной желтой пахсы проходит в направлении запад-восток. Ниже в начале VIII яруса начался песчаный слой с прожилками. Стратиграфические шурфы показали возможность вскрытия следующего строительного горизонта.

Третий строительный горизонт стали вскрывать сразу в нескольких местах. В помещении 1 углубились на уровень пола, который находится в конце IV яруса. Стены сохраняют планировку, были только достроены во втором горизонте. В помещении 2 также западная стена была добавлена сырцовым кирпичом, уровень пола находится на конце V яруса. Вдоль стены проходит суфа

⁸ Смагулов Е.А. «Шашлычницы» Алтынтобе // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 2004. №1. С. 90-108.

⁹ Большаков О.Г., Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Средневековый город... С.151.

ширины 1 м, на которой у края располагался очаг с сильно прокаленными стенками, а слева от него врезана в суфу яма, заполненная галечником.

Приступили к разборке северной стены в помещениях 4 и 4а. Она была добавлена сырцовым кирпичом, а промежуток засыпан. В пахсовой стене находился проход шириной 1,5 м. В середине стены слева от прохода врезана суфа размером 1,5x2 м. Вся ее площадка и стенки вокруг закопченные с налетом до 0,03 м. В этих помещениях опустились на уровень пола третьего горизонта. Он находится в конце V яруса. В середине, где располагался проход между помещениями 4 и 4а, под пандусом оказался довольно крупный очаг с черным пеплом, диаметром 1 м. В помещении 4 убрали верхнюю яму с галечной засыпкой и битой керамикой, с обильным органическим налетом в слое. Ниже, но на 1 м восточнее находится тоже яма 1x1 м, заполненная мелким галечником. Слева от ямы располагается очаг 0,6x0,6 м с красными прокаленными стенками. Очаг и яма сооружены на квадратной суфе высотой 0,3 м. В середине, у южной стены зачистили еще яму-фильтр 1x1 м. В юго-восточной части южной стены встроен в нишу очаг с прямоугольным выходом, заполненный белым пеплом. В восточной стене находится проход, который использовали и во втором горизонте. Перед нами двор, где, видимо, совершали жертвоприношения и одновременно проводилась обработка жертвы на специальной суфе.

Южнее находится помещение размером 8x8 м. Вдоль северной стены располагалась суфа высотой 0,3 м и шириной 0,5 м, рядом была еще одна шириной 1 м. Обе суфы составляли подиум, на котором размещались большие и малые очаги-алтари и ямы с галечной засыпкой. Расчистили 6 очагов размером 0,6x0,6 м, две галечные ямы 1x1 и 0,6x0,6 м. Как бы выдвинутый на подиуме находился очень крупный шириной 1,2 м и высотой 0,5 м очаг-алтарь. Постепенно около этого очага-алтарясыпали золу, остатки жертвенной пищи, кости. Со временем, когда они накопились в середине помещения почти 4x4 м, их стали замуровывать в ячейки. Кирпичи на торце создавали ячейку – 40–50 м и туда засыпали золу, пепел, оставшуюся трапезу. Так хранилище священной золы и остатков трапезы поднималось, образуя подиум, вокруг которого совершали какие-то обряды. В западном углу суфы лежал ко-

тел с двумя боковыми ручками, расположенные в нижней части туловища. Он весь прокален, серый от высокой температуры. На краю большой суфы лежала нижняя часть от хумчи, также перевернутая, с прокаленными стенками. С поднятием подиума большой очаг в середине суфы перекрывается ячейками с золой. Новый крупный 1–1,2 м сооружают в северо-восточном углу суфы. Он функционирует довольно долго, но по какой-то причине его аккуратно перекрывают фрагментами керамики, скорее всего, ритуальных сосудов, красноангобированных, с хорошим плотным черепком и лощением. Очаг-алтарь создают у края суфы в северо-восточной части. Вдоль восточной стены пристраивают суфу шириной 0,6 м и слева от входа создается очередной очаг-алтарь, а справа на суфе находились остатки жертвенной пищи в виде нижней челюсти барана. Очевидно, эти остатки не успели убрать в очередную ячейку подиума, которая уже поднялась на 1,5 м. В таком состоянии эта центральная часть культового общественного здания была брошена. Строение стояло разрушенным. Новое поколение имело возможность восстановить этот религиозный центр, поэтому были использованы некоторые стены в общей архитектурной планировке. Однако центральное помещение приобретает иную, более замкнутую, скрытую от внешнего мира ритуальную функцию.

Керамики собрано очень мало. Она представлена формами, изготовленными на ручном гончарном круге и вылепленными от руки. Чаши, небольшие кувшинчики, кружки имеют обработку красноангобированную, плотную по структуре, с лощением и без лощения (рис. 5). Хозяйственная

Рис. 5. Кружка V – нач. VI вв.

посуда светлая, кремового оттенка. Изделия из керамики по формам находят аналогии с таким отраско-каратайского региона и датируются V–VI вв.

Таким образом, вскрытый участок в рабаде пришелся на центральную часть культового, общественного здания, существовавшего на протяжении нескольких столетий. На данном этапе делать окончательные выводы рано. Можно только привести аналогичные по содержанию памятники, открытые в других регионах. На наш взгляд, наиболее близкий по времени и структуре Ак-тепе Чиланзарское в г. Ташкенте. Там был открыт такой же подиум с ячейками, где замуровывали золу и остатки трапезы. Время его функционирования приходится на V–VIII вв.¹⁰. В Кашкадарье на Сангири-тепе было открыто замковое сооружение, где в одном из помещений был вскрыт алтарь огня. В помещении 24 ямных захоронения золы, песка и гравия. Эти ямы нам напомнили наши ямы с галечником, так как они выполняли ту же функцию возлияния. В помещении также была суфа с выступами и на ней находилась вымостка из камней. Исследователи отмечают длительность функционирования этого помещения, при котором шел процесс перестроек, нововведений как выкладки площадок с гравием и битой керамикой, перемещением алтаря огня. Время бытования этого помещения относят к кушано-сасанидскому периоду, что хронологически приближает аналогии к объекту, вскрытыму нашим раскопом¹¹.

Процесс захоронения золы существовал с эпохи бронзы. Так, на Джаркутанском храмовом комплексе огня зафиксированы крупные отсеки с золой и костями¹². Важен сам факт преемственности в обрядности. Наш объект привлекает внимание тем, что процесс жертвоприношения был известен, но ни на одном памятнике не отмечено место, где это совершалось. Здесь же мы видим проведение обрядности в специально отведенном помещении, возможно дворе, в сопровождении жертвенного огня, здесь же находится места стока крови и, вероятнее всего, приготовления жертвенного обеда.

Изучение интереснейшего городища Жуантобе, зачастую учеными отождествлявшимся с

раннесредневековым городом Усбаникетом, датируемым с первых веков н.э. и до X в., открывает широкие перспективы в рассмотрении ранних периодов урбанизации на территории Южного Казахстана. Уникальность памятника заключается в том, что культурные слои V–VI вв. н.э. лежат практически на поверхности рабада. Результатом раскопок стало уточнение датировок этой территории городища, в частности верхние культурные слои датируются временем до первичного проникновения в регион арабов, в то время как раскопки на цитадели выявили слои, относящиеся к IX – началу X вв. Не полностью раскопанное сооружение, состоящее из нескольких рядов помещений (из-за его больших размеров, по уровню II горизонта, занимавшее пространство явно большее, чем раскоп 2004 г., 20x20 м), по-видимому, предварительно интерпретируется как крупный (городской?) храм традиционных для того времени культов (авестийского круга). Очевидно, что свое предназначение сооружение сохраняет, как минимум, с уровня III горизонта, т. е. на протяжении не одного столетия (логично предположить изначальное храмовое назначение сооружения, что выяснится при дальнейших исследованиях). Требуется дальнейшее тщательное изучение памятника (расширение и углубления раскопок). По предварительным исследованиям, прямых аналогий этому памятнику найти не удается. Возможны аналогии с городищем Куйрыктобе, которые, правда, относятся к более позднему времени¹³.

Находки на городище пока не принесли ничего сенсационного, но они вполне показательны. Подставки («шашлычницы»), в сочетании с храмовым очагом имели большое культовое значение¹⁴ (все, что касалось огня, в той системе культуры неизбежно было сакральным).

Интересна находка терракотовой статуэтки лошадки, которая дошла до нас без конечностей и головы. Фигурка покрыта светло-коричневым ангобом. На Кой-Крылганкале светло-ангобированные скульптуры только появляются в поздний

¹⁰ Филанович М.И. Средневековые памятники на территории Ташкента // Древний Ташкент. Ташкент, 1973. С. 127–139.

¹¹ Хасанов М.С., Мехендали. Раскопки на Сангири-тепе в Кашкадарье // Археологические исследования в Узбекистане 2003. Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 183–186.

¹² Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993. С. 100.

¹³ Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII – первая половина IX вв.) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 169–182.

¹⁴ Смагулов Е.А. «Шашлычницы» Алтынтобе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1.2004. С. 90–108.

период. Короткий хвост сохранился, здесь как и во всей фигурке наблюдаются значительная схематизация и стилизация. На фигурке, ближе к задней части, как будто сохранились остатки всадника, однако в таком случае они смешены назад и трудно поддаются определению.

Среди керамики много фрагментов котлов, кувшинов, кружек, хлебниц-сковородок. Кувшины и хумы в большинстве своем покрыты ангобированными пятнами с потеками. Большое количество керамических котлов с горизонтальными ручками. Керамика в большинстве своем с мелким песком в тесте. На уровне третьего стратиграфического горизонта большинство сосудов, их фрагментов покрыто красным ангобом с лощением. Интересно наличие большого количества лепных сковородок-хлебниц, тесто которых с большим содержанием шамота с красным чешуевидным ангобом, на некоторых из них на донце углубления для лучшей пропечки хлеба. Также к третьему стратиграфическому слою (кв. 6) относятся донце и нижняя часть кувшина, на внешней стороне донца которого процарпан сложный (символический) знак, состоящий из двух «кошкар муизов», расположенных один над другим, по краям композиция оформлена растительными побегами. Снаружи стенки кувшина также покрыты красным плотным ангобом с лощением, в значительной степени утраченным к моменту находки. Прочерчивание подобных орнаментов на боковине и донце керамических сосудов (датируемых не позднее V–VI вв. н.э.) говорит о восточных этнических и культурных влияниях на Кангюй. Орнаментальный мотив «кошкар муиз» трактуется как стилизованное «древо жизни»¹⁵, видимо, семантически уходящий в ностратические времена.

Кроме мотива «кошкар муиза» на донце кувшина из 3-го горизонта еще один подобный происходит с фрагмента керамики с 1-го слоя. На боковине сосуда изображен крест, который объединялся с тремя другими в одну композицию из четырех крестов, заключенную в круг, композиция прочерчена по сырому и происходит со 2-го слоя. Оттуда же фрагмент плоской крышки, имеющей орнамент вихревой розетки. С верхнего

слоя происходит фрагмент с прочерченным символическим растительным побегом. Из раскопа на цитадели 2004 г. (Шербаев Р.) происходит фрагмент терракотовой «зубчатой короны».

Относительно наиболее вероятной интерпретации данного памятника нужно сказать о его назначении как поминального городского центра – храма. Часто встречаются многочисленные очаги и ямы-накопители, заполненные фрагментами керамики и щебнем, зачастую расположенные неподалеку друг от друга. Очаги и сливы для жидкости во время проведения жертвоприношений найдены в каждом, кроме двух полностью раскопанных помещений второго строительного горизонта и в раскопанных помещениях третьего, где особенно выделяется центральное помещение (1). Ямы-сливы имели прямоугольную, близкую к квадратной или квадратную форму, очаги, за исключением одного, с прямоугольными бортиками, имели подковообразную форму. Один из раскопанных очагов перед закладкой его сверху сырцовыми кирпичами был аккуратно выложен фрагментами керамики от красноангобированных кувшинов.

Массивные изделия из грубого теста традиционно назывались подставками под котел¹⁶, очажными подставками. В последнее время поднимается вопрос о предназначении массивных и не очень предметов из грубого теста различных форм: «двурогие», «цилиндрические», «пирамидальные» и т.д. Очевидно, что различие в формах говорило и об их различном предназначении. Одни, в частности пирамидальные, должны были быть подставками под котлы (очажными)¹⁷. Другие формы вполне логично было бы использовать в качестве шашлычниц для приготовления пищи (мяса) над углами. Некоторые из них имеют явно выемчатую форму, внутрь которых, действительно удобно ставить котел, в частности, на стадии, когда пища уже готова к раздаче.

Городище расположено на землях, занимаемых в период раннего средневековья государством Кангюй (Канцзюй) – одном из четырех наиболее могущественных полукочевых владений (Усунь, Кангюй, Яньцая, Юеджи), игравших важную роль в древней истории Центральной

¹⁵ Например: Смагулов Е.А. К вопросу о семантике одной композиции в казахском орнаменте // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 276-279.

¹⁶ Максимова А.Г., Мерещев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 94, табл. IV.

¹⁷ Смагулов Е.А. «Шашлычницы» Алтынтобе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2004. №1. С. 90-108.

Азии в период II в. до н.э. – сер. V в. н.э. Однако нам по-прежнему не известны время сложения этого владения, его границы, местоположение столичного города Битянь (называемого так по китайским хроникам), расположение 5 малых зависимых от него владений¹⁸. Локализация Кангюя и пяти зависимых владений (Сусе, Фуму, Юни, Ги и Юеань) остается нерешенной окончательно: существуют две основные концепции С. П. Толстова и А. Н. Бернштама, помещавших государства на Амударье и Сырдарье соответственно. Большее признание получила Присырдарынская локализация, причем город Битянь локализовался в Сусе, по определению А. Н. Бернштама занимавшем среднее течение Сырдарьи и долину р. Арыс.

Судя по имеющейся историографии возвращение к вопросу о локализации Арсубаникета (Усбаникета) – дело неблагодарное: А. Н. Грищенко еще в 1989 г. по результатам раскопок на городище снимает вопрос об отождествлении городища Жуантобе с Арсубаникетом¹⁹.

С другой стороны, в X–XII вв. к северу от Испиджаба упоминается Арсубаникет. По Б.А. Байтанаеву серьезные историко-лингвистические исследования могли бы ответить на вопрос о локализации Усбаникета на Жуантобе, Караспантобе или Шортобе²⁰. Археологические данные, видимо, подтверждают выводы Б. А. Байтанаева о локализации Усбаникета на Караспантобе, упоминания местности Карасаман XIV в. к северу от Испиджаба и о нерперывности городской жизни на Караспане в позднем средневековье. Карасман как место, удобное для земледелия, орошения, подтверждается сельской округой современного Караспана, где встречается большое количество полурастапанных и распаханных бугров-усадеб с керамикой на значительном удалении от основного бугра.

В свою очередь, А. Н. Подушкин локализует город-ставку Битянь также на Караспантобе, выделяя особый укрепленный район, ограничен-

ный «длинной» стеной с одной стороны, с другой руслами рек Арыс и Бадам²¹.

По А. Н. Подушкину, Караспантобе претендует на звание центра государства Канцзюй: «Именно этот район и городище Караспантобе являли собой город-ставку канцзюйского правителя Битянь»²². Возможно, это и правильная, но несколько упрощенная локализация столицы Кангюя. Данная гипотеза не учитывает факт наличия двух крупных городищ Жуантобе и Караспантобе на незначительном удалении друг от друга, в непосредственной близости от крупнейшего Борижарского могильника, притом Караспан выделяется за счет округи, а сам город в кангюйское время был сходных размеров с Жуантобе, если не меньших. В то же время А. Н. Подушкин считает Жуантобе и Борижарский могильник эталонными, согласно последним археологическим данным объектами земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана²³.

По нашему мнению, средневековые слои Караспантобе можно отождествлять с историческим Арсубаникетом.

Несколько сот метров от Жуантобе протянулся огромный Борижарский могильник, хронологически совпадающий с расцветом Усбаникета (Арсубаникета). Наличие столь огромного могильника, служившего некрополем не только для одного города, но и ближайшей округи (особенно в свете последних исследований о науке как о неокончатальном месте упокоения), не может не наводить на мысль о значительном распространении культа предков в раннесредневековом городе, а также о специальном заведении для проведения погребальных и поминальных церемоний – храма. Видимо, центральная часть такого храма и была вскрыта в ходе раскопок на рабаде городища Жуантобе в 2005 г. Обряды, которые проводились в культовом сооружении, нуждаются в дальнейшей реконструкции и осмыслении. Аналогии, синхронные и сходные по назначению имеются в соседнем регионе Ташкен-

¹⁸ Заднепровский Ю.А. Вопросы локализации Кангюя (Историографический обзор). «Маргулановские чтения», тезисы докладов (рукопись).

¹⁹ Грищенко А.Н. Отчет «Об археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника Бугуньского района Чимкентской области в 1989 г. С. 10.

²⁰ Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. Шымкент-Алматы, 2003. С. 63-65.

²¹ Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан. 2000. С. 170.

²² Там же.

²³ Там же. С. 11.

та на многослойном городище Актепе Чиланзарское, при публикации которого на основе сведений Бируни производятся реконструкции обрядов²⁴. В Хорезме десятидневный праздничный цикл в честь духов предков сливался с другим праздником – наурыз. Характерными чертами обряда были выставление урны (оссуария), приношение жертвенной пищи духу умершего, ритуальная трапеза и плач с самоистязанием. С поклонением предкам связан культ Солнца, с чем связано божество Сиявш (astralные компоненты обрядов). Обязательной принадлежностью храма предков был постамент (на который могли устанавливать оссуарии), вокруг которого можно было обходить²⁵. В случае с Жуантобе в ходе работ 2005 г. в центре крупного зала нами был обнаружен некий подиум, полностью составленный в процессе аккуратного складирования золы с углами, вместе со значительными количествами костей крупных домашних (пока неопределенных) животных вмазанных внутрь сырцовых блоков. С трех сторон подиум был окружен коридорами. С четвертой, северной, он проходом отделен от пристенной суфы, на которой в ряд располагалась несколько подковообразных очагов, описанных выше. Обходной коридор существовал в культовых помещениях разной принадлежности, что диктовалось ритуальной необходимостью обхода вокруг святынь, что еще раз говорит об общих корнях обрядов, свойственных разным религиям, в частности поклонению святыням. Показательно, что истоки сложения буддийских храмов с такой схемой исследователи выводят из среднеазиатско-иранской архитектуры, испытавшей влияние эллинизма²⁶. В Пенджикенте основной план храмов с залом, целой, обходным коридором и портиком сохранялся на всем этапе существования этих сооружений.

В 1972–1975 гг. в Бухарском оазисе было исследовано многослойное культовое сооружение

Сеталак 1, функционировавшее в IV–V вв. и в плане представлявшее собой четырехлепестковую розетку²⁷. Памятники с подобной же планировкой обнаружены и в Ферганской долине. Обряды Сеталака реконструированы. В центральном сооружении возжигались большие кострища, в которые бросались фрагменты битой посуды и кости мелкого рогатого скота. Кострища перекрывались слоями глины либо засыпались землей и песком²⁸. Как полагали исследователи, сооружения были буддийскими ступами. Подобные же культовые сооружения в виде четырехлепестковых розеток были раскопаны и в Таласской долине (Чольтобе и Кызыл Кайнартобе), ритуалы имели регулярную повторяемость, а назначение сооружения не менялось за весь период его существования²⁹. Видимо, можно говорить о влиянии буддизма на местную традицию возведения храмовых комплексов и на некоторые обряды. Исследователь отмечает, что отклонение центральной оси двух поселений Таласской долины практически совпадает с отклонением Кой-Крылганкалы³⁰, что обеспечивало «правильную» ориентацию. Если храмы Таласа, Бухары и Ферганы имеют некоторые вариации четырехлепестковой розетки на первом этапе своего существования, то так называемый замок Актепе Чиланзарский имел четыре выступающие угловые башни, расположенные под прямыми углами, в 3 период также частично перестроенный. Кроме того, ориентация, судя по опубликованным планам, Сеталака и Актепе Чиланзарского совпадает³¹.

Ранее уже была замечена зависимость храмовой архитектуры от могильных сооружений и культов (в частности, одной из первых в Индии). Для Центральной Азии эта зависимость восстанавливается по цепочке: мавзолеи Тагискена (IX–V вв. до н.э.), Койкрылганкалы (IV в. до н.э.), Чирикрабат (IV–III в. до н.э.), Баланды 2 (III в. до н.э.) и более поздние храмы огня. Все они

²⁴ Филанович М.И. Средневековые памятники на территории Ташкента // Древний Ташкент / Отв. ред. И. Ахтаров. Ташкент, 1973. С. 120–140.

²⁵ Там же. С. 136–137.

²⁶ Шкода В.Г. Генезис согдийской культовой архитектуры // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 451.

²⁷ Культура Древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э./Под ред. М.И. Филанович. Ташкент, 1983.

²⁸ Там же. С. 115.

²⁹ Пешков Ю.М. К вопросу о датировке и культовой принадлежности раннеземледельческих поселений Таласской долины // Вопросы изучения истории и культурного наследия Казахстана. Алматы, 1998. С. 55.

³⁰ Там же. С. 59.

³¹ Филанович М.И. Средневековые памятники на территории Ташкента // Древний Ташкент / Отв. ред. И. Ахтаров. Ташкент, 1973. С. 117, рис. 30.

образуют в плане квадратную или круглую мандалу-космограмму (круг, вписанный в квадрат), что станет затем непременной особенностью сасанидских чортаков и знаменитых средневековых мавзолеев³². Основываясь на предположение У. Симпсона, Л. А. Лелеков объясняет общность архитектуры, также и обрядов буддийских и восточноиранских. Тем фактом, что предки Будды происходили из Восточного Ирана. Здесь же в Балхе возникла первая буддийская община. Тем самым он, возможно, еще раз подчеркивает факт взаимного тяготения двух традиций. Далее Л. А. Лелеков выводит причины недопонимания европейской историей архитектуры глубокой сакральности культовых сооружений Востока, так как она оказалась во власти профессиональных предрассудков, сводивших суть памятника к «истинному стилю», «должным пропорциям», тем, что европейская (греческая и римская) архитектура быстро лишилась космологического символизма³³.

Непосредственно средневековая культура юга Казахстана во многом вышла из кангюйской цивилизации, оставившей после себя яркую культуру. Культура эта была синcretичной, но все же трудно не отметить общность культуры пра-вобережья Средней Сырдарьи и ближайших регионов Среднего Востока (Согда, Хорезма, Ферганы). Возводятся храмы огня, архитектура которых подчинена определенному канону. Храмы обычно включали крупные прямоугольные центральные залы с большим круглым или прямоугольным очагом, также отдельную комнату для хранения огня³⁴. В раннесредневековых источниках храмы огня упоминались в Бухаре, Самарканде, Рамитане. Археологические исследования выявили специальные культовые сооружения для огня на Джанбаскале, Топраккале³⁵ в Хорезме. В Фергане также открыто несколько подобных же храмов (в Касане, Гайраттепе, Майдатепе, которые датируются IV–VIII вв.)³⁶.

Также существовали культы, атрибутами которых были идолы, во множестве найденные, в частности, на могильнике Ташрават. Идолам приносили в жертвы различных животных, потом совершалась коллективная трапеза. У Бичурина есть упоминания, что место, где находился храм, – «владения Цао» – Кангюя³⁷.

На неординарное предназначение городища Жуантобе может указывать топография городища: центральная возвышенная часть, верхняя, горизонтальная площадка которой представляет собой прямоугольник со сторонами 75x65 м, со скосенным (скругленным северо-западным углом), где, видимо, располагался въезд в сооружение. Цитадель возвышается на 15–16 м. Как показал стратиграфический шурф, внешние стены цитадели достаточно прочные и хорошо сохранились под опливами развеянных и размытых остатков глиняных структур. Они поросли травой, обрывисты, имеют наклон более 45°. Отпускаются стены к ровной горизонтальной поверхности кольцевого рва, имеющего и в наши дни отрицательный уровень» (ниже на 0,5–0,7 м по сравнению с окружающей городище поверхностью, снивелированную под поля). Кольцевой рабад возвышается в среднем на 3,5 м, в отдельных местах – на 4,8 м. Ширина кольцевого (подковообразного) рабада от 45–90 м по сохранившемуся (оплившему) верху. В юго-восточной стороне кольца имелся разрыв, очевидно, въезд в город, в настоящее время там проходит арык, заполняющий водой ровное пространство между цитаделью и рабадом для сельскохозяйственных нужд. Топография городища сохранилась очень хорошо, учитывая более чем тысячелетний период запустений и более чем вековой активной хозяйственной деятельности в зоне современного села. Внешнее кольцо рабада, судя по всему, имело форму, поначалу принятую за близкую к правильному пяти- или шестиугольнику и имеет приблизительные размеры 360x350 м, немного

³² Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических взглядов в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. //История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 12.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 103.

³⁵ Топрак-кала. Дворец / Под ред. Ю.А. Рапопорта, Е.Е. Неразик. М., 1984. С. 288.

³⁶ Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 103.

³⁷ Там же. С. 104.

вытянутую с юга на север. Внутренняя сторона в виде почти правильного четырехугольника (прямоугольника) размерами 160x120 м (ориентированного относительно входа с юго-востока), картину логично нарушает юго-восточная сторона с выездом, которая для удобства въезда-выезда (расширения пространства) скосена на два угла, таким образом, внутренняя сторона кольцевого рабада имеет форму пятиугольника. Во всем устройстве городища прослеживается единый замысел строгого архитектурного решения, преследовавшего определенные (мировоззренческие) цели.

По-видимому, на цитадели под верхними культурными слоями будет вскрыто некое единное сооружение, по своему назначению типичное для региона Среднего Востока, возможно, как на памятнике КойКрылганкала, имевшего двухэтажную структуру с крестообразной планировкой. По крайней мере, стратиграфический шурф 2004 г. (Р. Шербаев) выявил достаточно мощные пахсовые конструкции средних и нижних слоев, составляющие культурные слои цитадели. Отсутствие городской жизни на городище в период развитого и позднего средневековья сохранило изначальную топографию городща (видимо, в отличие от городища Караспан), связанное с административным или культовым центром округи.

До раскопок, Кой-Крылган-кала представлялся как восемнадцатигранная призма, поставленная вертикально, после раскопок стала ясна его круглая внешняя планировка с крестообразным расположением помещений. Традиционно крестообразные сооружения (вписанные в круг), где обычно сжигали покойника в сако-массагетское время, связывали с солнечным культом. Однако обряд сжигания умершего был характерен для IV–III вв. до н.э. (районы Бухары, Ашхабада, дельта р. Сырдарьи)³⁸. Кой-Крылган-кала характеризуется как центр династического

культта, мавзолей-храм своего времени. По мнению одной группы ученых, обряд захоронения костей в оссуариях, начавший практиковаться со II в. до н.э., развился при совмещении двух ранее существовавших обрядов – выставления трупов для поедания животными и кремации, оба сопровождались захоронениями праха в урнах³⁹. Последние исследования показывают, что с V в. до н.э. по IV в. н.э. в Восточном Прикаспии были распространены крытые наземные каменные склепы, где покойники «выставлялись», а со II в. до н.э. кости после очищения собирались в оссуарии или бытовые сосуды (на Устюрте этот процесс, возможно, начался еще ранее)⁴⁰. В левобережном Хорезме археологами были выявлены два идентичных небольших круглых культовых сооружения IV–II вв. до н.э.⁴¹ Памятники сопоставляются Б.И. Вайнберг с Кой Крылганкала, и она считает их памятниками плодородия, характерными для своего региона и времени (одна группа находок характеризует пехлевийские тексты, другая подчеркивает глубокие индоевропейские связи). К концу первого тысячелетия до н.э. круглые памятники гибнут вместе с другими изменениями в культовой составляющей (например, в новой эре перестают появляться фляги с мифологическими сценами, исчезают ритоны, сосудики), что, очевидно, было связано с реформами, которые произошли в Хорезме не позже I в. н.э. Круглый храм на Калалы-гыре-2 через несколько веков после запустения превращается в «дахму»⁴². При этом исследователь подчеркивает, что по источникам известно, что Согд перешел к реформам уже позже, еще позднее реформировался Кангюй. О временном упокоении трупов в наусах, в частности Борижарского могильника, пишет и Е. А. Смагулов, подчеркивая особую важность этого периода, для сознания людей, перед собственно погребением⁴³, при этом ссылаясь на В. Д. Горячеву⁴⁴.

³⁸ Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IVв. до н.э. – IV в н.э. / Под ред. С.П. Толстова, Б.И. Вайнберг //ТХАЭЭ. М., 1967. С. 228.

³⁹ Рапорт Ю.А. Хорезмийские астоданы (К истории религии Хорезма) //СЭ. 1962. № 4. С. 83.

⁴⁰ Вайнберг Б.И. Хорезмийская эра. //Древние цивилизации Евразии. М., 2001. С. 137.

⁴¹ Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-80-х гг. //Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). М., Вып. 1. С. 31, 34.

⁴² Вайнберг Б.И. Хорезмийская эра//Древние цивилизации Евразии. М., 2001. С. 139.

⁴³ Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южно Казахстана раннесредневековой эпохи//Новые исследования по археологии Казахстана. «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004. С. 51.

⁴⁴ Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 85-95.

Обычно значительные события не только в религиозной жизни, но и в политической означеневались крупными постройками культовых или дворцовых комплексов. Так освобождение Хорезма от Кангюя было ознаменовано введением хорезмийской эры (30-е – 40-е гг. н.э.) и строительством династического центра Топрак-кала (тронный зал и пять залов-святилищ, посвященных царским культурам, возведение которых указывало на незыблемость нового царского дома, незыблемость древней традиции)⁴⁵. «Неправильная» ориентация Топраккалы (со значительным отклонением от оси по сторонам света и ориентирован ЮЮВ-ССЗ) вызвала значительные затруднения при ее интерпретации, например как ориентация на высокую точку равнинного рельефа или что-то иное. В итоге С. П. Толстов отметил близость архитектуры Топрак-калы и сооружений Месопотамии⁴⁶, в данном случае отклонение оси хорезмийского памятника от севера такое же, как у вавилонского «севера» – *iltanu*⁴⁷.

Возможно, дальнейшие археологические исследования и изменят взгляд на внешние очертания Жуантобе*. Исследования показали, что топография городища имела симметрию относительно оси, мысленно разделявшей холм с северо-востока на северо-запад, то есть соединявшую крайнюю северо-западную точку рабада с крайней юго-восточной точкой цитадели и затем линия проходит через середину юго-восточного выезда (заднего разрыва подковы). В данной интерпретации оба крыла городища: северо-восточное и юго-западное имеют практически зеркальное отражение, с незначительными вариантами, что может быть связано с четырех-пяти вековой историей города, ремонтами-подновлениями, более чем тысячелетним периодом запустения жизни на городище или ошибками при планировке или строительстве. В этом случае внутреннее городское понижение (три стороны) сориентированы параллельно или перпендикулярно этой линии. Подквадратный центральный холм

повернут под 45° к этой направляющей линии и она режет его по диагонали также на две части. Архитектурно-планировочный замысел рабада напоминает подкову, несколько стилизованную. Разрыв в тыльной стороне подковы в данном случае был, видимо, въездом в город. Несколько условная стилизация жуантобинской подковы заключается в том, что передняя сторона копыта или подковы имеет вполне определенную направленность по направляющей линии ЮВ-СЗ. Обращает на себя популярность лошади или, скорее, всадника в исследованиях, посвященных Хорезму. По сути, это изображение явилось символом Хорезмской экспедиции, изображенном на титульных обложках ее трудов. Известно, что на городище Сидак в центре цитадели в топографии выделяется мощный подковообразный холм цитадели общей высотой около 15 м⁴⁸. Однако вместе с общей ориентацией городища СВ-ЮЗ имеет разрыв в «подкове» рабада с юго-западной стороны⁴⁹, а направление изгиба на северо-восток.

Ориентация Жуантобе не совпадает с вавилонским смещенным севером и, судя по-всему, является направлением на зимнюю точку восхода солнца около – 20° к югу от восточного направления, возможно, с учетом низинного положения городища (при этом берется географический север, немагнитный). В таком случае Жуантобе – след возрождающегося и уходящего «солнечного всадника», оставившего свой след на земле Южного Казахстана, а мы видим не только подтверждение источников о дахмах и иных культовых сооружениях (после религиозных реформ) в виде конского копыта, но и величественное материальное подтверждение авестийских легенд. В случае подтверждения этой версии математическими вычислениями можно будет говорить, скорее, о продолжении традиции астрономических функций Кой-Крылган-кала – более раннего памятника Хорезма, чем близкого по времени Топраккала, как уже говорилось, имевшего вавилонскую ориентацию. В Кой Крылган-

⁴⁵ Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М., 1990. С. 35.

⁴⁶ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 123.

⁴⁷ Топрак-кала. Дворец / Под ред. Ю.А. Рапопорта, Е.Е. Неразик. М., 1984. С. 289.

⁴⁸ Смагулов Е.А. Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Культурное наследие Казахстана. Алматы, 2005. С. 486.

⁴⁹ Туякбаев М.К. Стратиграфия городища Сидак Ата // Культурное наследие Казахстана. Алматы, 2005. С. 500.

кала наблюдали за всеми четырьмя основными фазами солнца, промежуточными фазами склонения светила и были возможны лишь частичные наблюдения за определенными небесными телами, то есть имело место знание о передовых древневавилонских традициях, о чем писал еще Геродот, в несколько урезанном виде. В случае с Жуантобе можно считать пока установленным ориентацию памятника в ЮВ направлении – точку зимнего восхода солнца, одновременно продолжение той же линии на СЗ указывает на закат солнца летом (что, очевидно, служило поводом для «проводов солнечного всадника»). Возможно, это были дни праздников «плодородия» и «поминовения», что могло быть вызвано реформами по выделению главных праздников и основных моментов в идеологии. Точки с ориентациями строго на восток и запад, то есть для весеннего и летнего равноденствий, пока не обнаружены. Отклонение «астральной» планировки (от линии В-З на юг) в хорезмийском Кой-Крылганкала составляет 21° ⁵⁰ (более северный памятник), на Жуантобе – около 20° , однако требуются специальные уточняющие вычисления. Причина разницы в количестве астральных ориентировок памятников может быть и в том, что Кой Крылганкала и Жуантобе имели сходные функции (астрального культа, видимо, главным образом для своевременного отправления династического культа, а после реформ начала нашей эры культ предков упрощается и судя по ориентации сокращается количество дней поминовений).

Назначение объекта, частично вскрытого раскопом 5, на данном этапе исследования в значительной степени затруднено. По особенностям архитектуры, ясно, что оно осуществляло функции общественного назначения. На это указывают его строительные периоды, длительность функционирования, специфичность некоторых помещений, установка ям фильтров совместно с очагом, переоборудование трех помещений в одно с колоннами. Далее закладывается юго-восточная часть сырцовым кирпичом, образуя единый массив. По остаткам артефактов, скорее всего, можно заключить, что в общественном

сооружении обнаружены следы почитания огня. Сложность и синкретизм культов раннего средневековья наводят на мысль об универсальности культов в зоне смешения оседлого и кочевого населения. Найденные артефакты, скорее всего говорят о культурах, связанных с ритуалами коллективного или семейного поминования усопших. Найдены многочисленные фрагменты керамических сковород-жаровен для хлебопечения. Так называемые «шашлычницы» или подставки, скорее всего, служили для приготовления мяса над углами. Фрагменты котлов для приготовления основного блюда. Количество очагов в каждом помещении 1-3, а в центральном на 3 горизонте и того больше. Ямы-фильтры, видимо, свидетельствуют о кровавых жертвоприношениях, которые в культовой сфере могли устойчиво сохраняться без изменений у городского населения с периода до оседлых времен (древности). А значительная пропитанность фильтрующего материала органическим веществом говорит о частом использовании. Да и сам факт изготовления специальных ям-накопителей свидетельствует о повторяемости процесса.

Возможно, как некоторое следствие подобной религиозной реформы возникает или развивается крупный Борижарский могильник, исследования которого дали много результатов, однако вопрос относительно погребального обряда так и не решен до конца. Очевидно, что особые пышные процедуры обрядов поминовений («династического культа») должны были совершаться в специальных стационарных храмах в городе. В разное время слово «дахма» наполняли различным содержанием: изначально опаленные руины проведенного обряда кремации, представлявшие приземистую круглую башню.

В истории известны культовые сооружения разных форм, определяющиеся культовыми или астральными символами. Хорошо известны круглые, вписанные в квадрат, крестообразные планировки погребальных сооружений Центральной Азии. В основе Кой-Крылганкалы лежат крест и колесо, в основе многих буддийских ступа – фигуры креста, колеса или свастики⁵¹.

⁵⁰ Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма IVв. до н.э. – IV в н.э. / Под ред. С.П. Толстова, Б.И. Вайнберга //ТХАЭЭ. М., 1967. С. 252-255.

⁵¹ Там же. С. 228.

В свою очередь, Фирдоуси писал: «Ростем строит дахму для убитого сына, подобную «кожу коня», позже пышные мавзолеи, в VII в. дахмой называли ниши-костехранилища⁵². Всеми исследователями отмечается особое расположение приверженцев авестийских религий к коню. Сиявш изображался в виде всадника, а «Сияваршана» означает «черный жеребец».

При интерпретации подобного памятника со значительной долей уверенности можно говорить о его назначении как поминального городского центра – храма. Однако даже при условии успешного завершения раскопок предполагаемого храмового сооружения в полном объеме на уровень 3-го стратиграфического уровня его интерпретация была бы затруднена из-за неразработанности проблемы. Погребальный обряд, в частности, кангюйской культуры изучен на качественно ином уровне. Понятно, что возникновение подобных значительных комплексов с храмами, посвященным пышным поминальным обрядам «культу предков» и развитым погребальным обрядом, возможно при государственной поддержке этих династических культов, а также языческой государственной религии. С приходом монотеистических религий, несмотря на неменьшую веру в загробную жизнь, отношение к погребенным и сам процесс захоронения значительно упрощается, как упрощаются и возвретия на роль и значение природы и стихий, окружающих человека в земной и загробной жизни, человек отделяется от природы. В свою очередь, обряд кангюйского времени, несмотря на реформы конца I тысячелетия до н.э., органично вывел свои обряды и их смысловую нагрузку с античного времени Южного Казахстана и регионов южнее (многообразие которых подробно исследовал, в частности, Б.А. Литвинский)⁵³. «Вероятно, что степные племена, входившие во II в. до н.э. в обширное Кангюйское царство, оказали свое влияние на религиозную традицию Хорезма»⁵⁴ и уж, без сомнения, оказали влияние на самих кангюев.

Кроме часто упоминавшихся в описании многочисленных и ям-стоков, заполненных фрагментами керамики и щебнем, встречены еще и очаги зачастую расположенные неподалеку друг от друга. Очаги и сливы для жидкости во время проведения жертвоприношений найдены в каждом кроме двух полностью раскопанных помещений второго строительного горизонта и в раскопанных помещениях третьего, где особенно выделяется центральное помещение 1. Ямы-сливы имели прямоугольную, близкую к квадратной форме или квадратную, очаги, за исключением одного, с прямоугольными бортиками, имели подковообразную форму. Один из раскопанных очагов перед закладкой его сверху сырцовыми кирпичами был аккуратно выложен фрагментами керамики от красноангобированных кувшинов, внешней ангобированной поверхностью вверх. Возможно, подковообразная форма очагов не была случайной. Найденные на раскопе фигурка лошади (скорее всадника), так называемой «шашлычницы» или очажной подставки в форме седла – все говорит о культе лошади на городище Жуантобе, та же ситуация наблюдается и на более ранних памятниках региона (Хорезма), например Кой-Крылганкала (из 16 скульптурок животных 11 были представлены примитивно слепленными фигурами лошадей)⁵⁵.

Выдающиеся находки археологов XX в. открыли науке до того почти неизвестный мир великих среднеазиатских цивилизаций: согдийскую, маргянскую, хорезмийскую, Ферганы-Давань. Изучение интереснейшего городища Жуантобе, зачастую учеными отождествлявшимся с раннесредневековым городом Усбаникетом, датируемым с первых веков н.э. и до X в., открывает широкие перспективы в рассмотрении ранних периодов урбанизации на территории Южного Казахстана. Уникальность памятника заключается в том, что культурные слои V–VI вв. н.э. лежат практически на поверхности на шахристане. Результатом раскопок стало уточнение датировок этой территории городища. В част-

⁵² Там же. С. 238.

⁵³ Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности / Под ред. Б.А. Литвинского, Б.И. Вайнберг. М., 1983. С. 81-123.

⁵⁴ Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в н.э. / Под ред. С.П. Толстова, Б.И. Вайнберг // ТХАЭЭ. М., 1967. С. 242.

⁵⁵ Там же. С. 190.

ности, верхние культурные слои датируются временем до проникновения арабов. В то время как раскопки на цитадели выявили слои, относящиеся к IX – началу X вв. Не полностью раскопанное сооружение, состоящее из нескольких рядов помещений (из-за его больших размеров, по уровню II горизонта, занимавшее пространство явно большее, чем раскоп 2004 г. 20x20 м), по-видимому, предварительно интерпретируется как крупный (городской?) храм традиционных для того времени культов (авестийского круга). Очевидно, что свое предназначение сооружение сохраняет, как минимум, с уровня III горизонта, то есть на протяжение не одного столетия. Требуется дальнейшее тщательное изучение памятника (расширение и углубления раскопок). Очевидно, на цитадели Жуантобе было достаточно традиционное дворцовое сооружение, с которым возможны чуть более поздние аналогии на городище Куйрыктобе⁵⁶.

При закладке раскопа К. М. Байпаковым отмечалось северное положение объекта на кольцевом рабаде Жуантобе. Возможно, в храме особенно отмечались праздники в период одного из солнцестояний, например, летнего, когда солнце уходило на север. Возможно, остеологические анализы помогут ответить на этот вопрос. В свою очередь, возможно, на южном рабаде существовал аналогичный же храм.

Результаты раскопок частично вскрывших храм традиционных верований наследников Южного Казахстана предисламской поры смогут осветить многие вопросы относительно обрядов локальных особенностей религии и т.д. Результаты топосъемки говорят о неоднозначности и уникальности городища Жуантобе в целом. Будущие консультации со специалистами, видимо подтвердят относительно точную ориентацию городища по линии зимне-летнего солнцестояния. Памятник в целом видимо будет интерпретирован в культовом отношении, после проведения дальнейших серьезных исследований как памятник погребального культа, возможно и культа плодородия. Исследования помогут ответить на воп-

рос о проникновении ислама в регион, времени и особенностях. До сих пор вопрос остается дискуссионным.

В середине X в. ислам был принят в качестве государственной религии новым государством Караканидов. Однако не все вопросы, связанные предысторией этого события, с укреплением ислама сняты. Хорошо известна битва при Атлахе 751 г., но также известно о многочисленных антиарабских восстаниях в Согда, Фергане на протяжении долгого времени. Скорее можно говорить о первом проникновении арабов, этапах закрепления ислама в качестве основной (государственной) религии и о поступательном движении с юго-запада на северо-восток. В. В. Бартольд о распространении ислама писал: «Первая соборная мечеть в Бухаре была выстроена Кутейбой в 94/712-13 г.; в 154/771 г. построили вторую, хотя в это время жители большей частью еще были неверными. Господство ислама во всей Трансоксании началось во всяком случае не раньше окончательного покорения страны арабами; а это произошло только около половины IX в.»⁵⁷.

Старые культовые центры должны были исчезнуть – «законсервироваться» при первом же появлении арабов. В этой связи обращают на себя внимание плотная закладка храма на рабаде Жуантобе одним-двумя слоями сырцовых кирпичей, а также перевернутые вверх дном керамические котлы, свидетельствующие о приходе новой религии, о разрушительной реакции которой на старые культуры было хорошо известно. Подобные памятники, можно вполне обоснованно предполагать, должны были быть заблаговременно «законсервированы» при первом появлении воинственных носителей иной религии. Однако старое (языческое) мировоззрение имело сильные тысячелетние традиции хорошо сохранились подспудно в народной среде и после прихода ислама жизнь проходила по системе двойственных религиозных ценностей.

Резюме

Макалада 2005 жылы Жуантобе (Оңтүстік Қазақстан) кала жұрттында алынған материалдар жөнінде сөз

⁵⁶ Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII – первая половина IX вв.) //Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 169-182.

⁵⁷ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период: (По поводу семиреченских надписей). М., 1950 // Соч. М. 1964. Т. II (2). С. 272.

болады. 400 кв.м-лік қазба қандай да бір ғұрыптық нысанға тап болды. Бірақ бұл ғұрыптық құрылымы толықтай аршылған жоқ. Салынған кесінділік шурфтар қала жүртіның рабадынан төрт мәдени қабатты анықтады. Ондаған орындар аршылды. Одан керамикалар мен жаңуарлар сүйектері және көптеген артефактілер табылды. Ғұрыптық болып табылатын: «көүөп дайындастын» деп аталып кеткен, көптеген ошақтар, сонымен қатар құрбандық орындар және бұндай жерлерден шыққан қалдықтарды ұқыпташ жинап қоятын арнайы орындар табылды. Нысанды III-V ғғ. кезеңіндегі, ата-бабалар аруағын еске алуға арналған храм ретіндегі ірі ғұрыптық құрылымы деп үлкен сенімділікпен айтуға болады. Белгілі бір дәрежедегі нәтижелерді осы заман талабына сай деңгейде жүргізілген топографиялық зерттеулер берді.

Summary

The article contains new materials received in 2005 from uncompleted object on the early medieval city of Juan-tobe (Southern Kazakhstan). More than ten premises is dug out, where alongside with ceramics and bones of animals many artifacts relating a cult are found also: the multiple centers so-called fireplace stand («shashlychnitsa»), and also the sacrificial place and the special place for a compact and is accurate warehousing waste metals from funeral and sacrificial rites of places. The object from a sufficient share of reliance can be interpreted as a large cult structure - temple of a funeral cults of ancestors acting in a period III-VII centuries. The certain results have given and topographic studies, conducted at a modern level, which probably confirm the total cultic.